

Новый завтрак принесли очень быстро.

Изящная белая фарфоровая посуда, свежеподжаренные тосты, золотистая глазунья с жидким желтком, салат из свежих фруктов и только что сваренный кофе — всё было аккуратно разложено, аппетитно выглядело и пахло. С тем простеньким завтраком, который приготовил Су Няньань, не шло ни в какое сравнение.

Лу Чжиянь сидел в инвалидном кресле, неторопливо ел ножом и вилкой и выглядел безупречно элегантно. За всё время он ни разу не взглянул на Су Няньаня.

Тот стоял рядом и чинно прислуживал.

Он помнил слова старого дворецкого: делать то, что положено, и вести себя смирно. Поэтому не смел ни присесть, ни лишний раз пошевелиться. Просто тихо стоял рядом, ждал, пока Лу Чжиянь закончит завтрак, и был готов подать воду или салфетку.

В воздухе разносился аромат кофе и тёплого хлеба. Живот Су Няньаня громко урчал от голода, но он терпел и ничем этого не показывал.

Лу Чжиянь ел медленно, тщательно пережёвывая каждый кусок. Всё это время он молчал, и в гостиной слышался лишь тихий звон ножа и вилки о тарелку.

Ноги Су Няньаня начали затекать, но он не решался даже переступить с ноги на ногу.

Наконец Лу Чжиянь отложил приборы. Завтрак был окончен.

Су Няньань тут же взял со стола стеклянный стакан, подошёл к кулеру и налил тёплой воды — как раз подходящей температуры, не горячей и не холодной.

Осторожно держа стакан, он подошёл к Лу Чжияню, слегка наклонился и протянул воду прямо к его руке.

Рука Су Няньаня не дрожала, хотя внутри он был напряжён до предела. Он ужасно боялся снова сделать что-нибудь не так и рассердить Лу Чжияня.

Лу Чжиянь поднял руку. Его длинные, чётко очерченные пальцы уже почти коснулись стекла.

Сердце Су Няньаня забилось быстрее. Он затаил дыхание, ожидая, когда тот возьмёт стакан.

И в этот момент Лу Чжиянь неожиданно чуть отвёл запястье в сторону.

Без предупреждения. Без всякой причины.

Раздался звонкий хлопок. Стакан выскользнул из рук Су Няньаня, ударился о журнальный столик и покатился на пол.

Тёплая вода разлилась по столешнице, потекла через край и промочила лежавший внизу шерстяной ковёр. Огромное мокрое пятно сразу бросалось в глаза.

Су Няньань испуганно вздрогнул, лицо мгновенно побледнело.

Он поспешно присел, схватил лежавшую на столе тряпку и в панике начал вытирать воду со столешницы, потом тут же принялся промакивать ковёр.

Холодная вода пропитала пальцы и затекла под рукава. Его пробрала дрожь.

Он вытирал торопливо, почти судорожно, боясь, что Лу Чжиянь разозлится, боясь, что опять совершил ошибку.

Су Няньань был уверен: наверняка он снова сделал что-то неправильно. Наверняка опять чем-то не угодил Лу Чжияню.

Продолжая вытирать воду, он мысленно ругал себя: почему даже стакан воды не может нормально подать, почему такой неуклюжий и бесполезный?

И тут сверху раздался голос Лу Чжияня.

Неприкрытая насмешка и брезгливость резали словно ножом, вонзаясь прямо в сердце Су Няньаня.

— Даже стакан воды подать не можешь. На что ты вообще годен?

Рука Су Няньаня замерла.

Он сидел на корточках спиной к Лу Чжияню, напряжённо подняв плечи. Пальцы так сильно вцепились в тряпку, что костяшки побелели.

Это произошло не случайно. Не потому, что он поскользнулся или плохо держал стакан.

Су Няньань видел всё совершенно отчётливо: Лу Чжиянь сделал это намеренно.

Нарочно выбил стакан, нарочно заставил его метаться, нарочно хотел поставить в неловкое положение.

Значит, дело было не в том, что Су Няньань плохо старался. Лу Чжиянь просто специально к нему придирался, не мог его видеть и хотел унижить.

Голос Лу Чжияня прозвучал снова, ещё холоднее и язвительнее:

— И вот это семья Су мне прислала? Такое ничтожество? Если ты даже с подобной мелочью не справляешься, какой смысл держать тебя здесь?

Ничтожество.

Слово тяжело ударило Су Няньаня в грудь, отзываясь настоящей болью.

В семье Су его с детства игнорировали и презирали, но прежде никто не называл его ничтожеством прямо в лицо. Да, он был мягким и неловким, но всё это время изо всех сил старался жить и хорошо выполнять то, что ему по силам.

А для Лу Чжияня он был ничтожеством, не способным даже подать стакан воды.

Глаза Су Няньаня моментально покраснели. Слезы собрались на ресницах и затуманили зрение. Он поспешно опустил лицо ещё ниже и изо всех сил удерживал их, не позволяя пролиться.

Плакать здесь означало лишь ещё больше опозориться и вызвать у Лу Чжияня ещё сильнее отвращение.

Су Няньань шмыгнул носом и продолжил вытирать ковёр. Шерсть хорошо впитывала воду, поэтому высушить её было трудно. Он снова и снова промакивал мокрое место; руки болели, немели и мёрзли, но он не смел остановиться.

Лу Чжиянь сверху наблюдал за тем, как он сидит на полу, неловкий и жалкий. В его взгляде не было ни малейшего колебания — лишь холод и раздражение.

Он молча смотрел, не велел подняться, не позволил остановиться. Просто наблюдал, как Су Няньань понемногу убирает за собой и молча терпит, наслаждаясь ощущением полного контроля.

Су Няньань чувствовал этот взгляд спиной. Он жёг, как раскалённое железо, заставляя всё тело напрягаться.

Он не знал, сколько времени прошло. Лишь когда пятно на ковре немного побледнело, Су Няньань решился остановиться и медленно поднялся.

Ноги сильно затекли. Он схватился за столик и несколько секунд приходил в себя, прежде чем смог нормально стоять.

Су Няньань снова замер в стороне, опустив голову. Одежда была в беспорядке, пальцы покраснели, глаза тоже, но он не смел показать ни обиды, ни недовольства.

Лу Чжиянь наконец отвёл взгляд, развернул кресло и, больше не взглянув на него и не сказав ни слова, поехал прямо к кабинету.

Звук колёс постепенно стих. В гостиной остались только Су Няньань и мокрый ковёр.

Солнечный свет проникал через окна и падал на него, но совсем не согревал.

Он стоял неподвижно, а обида и горечь внутри поднимались волной, сдавливая грудь так, что становилось трудно дышать.

Оказалось, что в этом ледяном доме Лу он был не только брошенной пешкой и декорацией, но ещё и ничтожеством, которое можно безнаказанно унижать и оскорблять.

Впереди была долгая жизнь. Су Няньань не знал, сколько ещё сможет терпеть и насколько его хватит.

Он понимал лишь одно: отныне ему остаётся прятать все чувства, проглатывать каждую обиду и продолжать своё унижительное существование в этом ледяном доме.

<http://bllate.org/book/20587/2058861>